Отзыв официального оппонента на диссертацию Нечепуренко Дмитрия Валерьевича «Характерология В.О. Пелевина», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «русская литература»

Актуальность диссертации Д.В. Нечепуренко не вызывает у нас никаких сомнений. Творчество Пелевина, к какой бы страте литературного процесса его не относили, постоянно находится в центре литературной критики и обширного слоя читателей. Каждая новая его книга становится событием не только книжного рынка, но и вызывает литературно-критические и сетевые дискуссии. Отечественные филологи, как литературоведы, так и лингвисты, давно обратили внимание на «феномен Пелевина».

Отметим, что Д. В. Нечепуренко не вполне точно формулирует актуальность своей работы следующим образом: «Это художник, который свободно использует современный арсенал изобразительных средств, но в философском плане перерастает постмодернизм, преодолевает его узость. В обнаружении этого явления и описании адекватной ему поэтики Пелевина-философа на уровне характерологии заключается актуальность предпринятого нами диссертационного исследования» (с.7). Конечно, не только в этом – «преодолении постмодернизма» или поэтики на уровне характерологии состоит актуальность его исследования.

За последние пятнадцать лет защищены кандидатские диссертации А.В. Дмитриева «Неомифологизм в структуре романов В. Пелевина», Д.Н. Зарубиной «Универсалии в романном творчестве В.О. Пелевина», А.Ю. Мельниковой «Художественный мир В. Пелевина: пространственно-временной аспект»; Ю.В.Пальчик «Взаимодействие эпических жанров в прозе Виктора Пелевина», М.В. Репиной М. В. «Творчество В. Пелевина 1990-х годов XX века в контексте русского литературного постмодернизма» и др.; докторская диссертация Т.Н. Марковой «Формотворческие тенденции в прозе конца XX века: В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин». Вышла и коллективная монография петербургских филологов О. Богдановой, С. Кибальника, Л. Сафроновой «Литературные стратегии Виктора Пелевина» Защищено и несколько диссертаций, посвященных исследованию отдельных произведений Пелевина, например, К.В. Шульги «Поэтико-философские аспекты воплощения "виртуальной реальности" в романе "Generation 'П'" Виктора Пелевина». Однако явное доминирование литературно-критического дискурса в пелевиноведении над собственно литературоведческим показывает, что главная работа по «расшифровке» загадочного Пелевина еще впереди, да и сам писатель не дает скучать

своим интерпретаторам. Его авторские метатексты и выпады в адрес критиков и литературоведов явно провокативны, окрашены пафосом иронии и интеллектуального превосходства.

Совершенно очевидно, что многие аспекты поэтики Пелевина, например, нарративные, сюжетные, композиционные, интертекстуальные и т.д. еще не раскрыты в конкретных исследованиях. Особого внимания требует читательская рецепция Пелевина в плане как «социологии чтения» 1990-2000-х г., так и в свете имплицитных авторских и текстовых стратегий его творчества. Сразу отметим, что в диссертации Д.В. Нечепуренко, помимо ее магистральной темы, содержатся и весьма ценные пространные экскурсы в сферу именно рецептивной эстетики чтения Пелевина и процессов читательской идентификации с его героями. Принципиально важно то, что диссертант рискнул обратиться к характерологии его прозы: отечественная теория характерологии топчется на месте с 1960-1970-х гг., со времени выхода первого тома «Теории литературы» ИМЛИ, в котором была опубликована статья С.Г. Бочарова. Герой и персонаж выпали из фокуса внимания как литературной критики, когда-то обращавшей внимание прежде всего на «героев нашего времени», так и теоретиков литературы. Описательная поэтика сейчас тоже интересуется художественной характерологией в незначительной мере. Поэтому особенно отрадно, что Д.В. Нечепуренко в своей диссертации обобщает до того разрозненные наблюдения критиков над отношением автора к своим героям и читателям, предлагает свою версию классификации персонажей Пелевина и их иерархии. В построении концепции он использовал характерологию Т.А. Касаткиной, сформулированную ей в книге «Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций». Действительно, это исследование в наибольшей степени соответствует задачам диссертации, поскольку Т.А. Касаткина имеет значительный опыт работы с религиозным дискурсом. Правда, нужно заодно уж и посетовать на то, что не учтена авторитетнейшая типология художественных модусов В.И. Тюпы, которая во многом построена на ценностных отношениях героя к миропорядку, социуму, самому себе.

Научная новизна работы Д.В. Нечепуренко определяется тем, что в ней исчерпывающе проанализирован религиозно-философский генезис характерологии В. О. Пелевина как неомифологической, дзен-буддийской в своей основе, определены основные типы героев и персонажей его прозы, раскрыта их сюжетная роль. В своей диссертации автор доказывает, что основу характерологии В. О. Пелевина определяет сюжетное взаимодействие героев четырех типов: героя-профана, героя-гуру, героев-феноменов, идеального героя. Впервые в нашем литературоведении проза Пелевина

проблематизируется не столько как «постмодернистская» или сатирическая, сколько как дидактическая, («просвещение»), воспитательная в своей основе, что во многом позволяет понять устойчивость восприятия его творчества читателями с середины 1990-х гг.: писатель как бы предложил свою модель возвращения к подлинной идентичности для читателей, говоря его языком, выпавших из «социально-культурной парадигмы» советской литературы. Более конъюнктурные авторы эксплуатировали модель семейного романа, а Пелевин продолжил жанр романа воспитания и сюжетную схему инициации героя авторитетным Наставником. Другое дело, что в первом романе писателя это обернулось разоблачительной пародией на собственно советский тип такого романа. Процитируем соответствующий фрагмент диссертации, обобщающий все сказанное выше: «Это особое духовное, интеллектуальное, нерелигиозное воспитание читателя, основанное на приглашении к постижению философских представлений автора, включающее в себя глубокое убеждение в существовании некоего универсального метафизического принципа, который присущ всем людям, обладает истинной и неповторимой природой, часто скрытой за пеленой иллюзий и заблуждений. Писатель «воспитывает» своего главного героя, а вместе с ним и читателя. Герой-профан, а через него и читатель, проходит психологическую «обработку» («терапию») героем-гуру или непосредственно автором – благодаря особенностям творческого метода писателя. В результате просветления главный герой – герой-профан (читатель) преодолевает границы и условности повседневного, обретает высшее видение мира, постигает Истину (как это задумано автором)» (С.11).

Раскрытие сверхсюжета прозы Пелевина как «археосюжета», процесса инициации героя, открывающего с помощью Учителя истину о мире и себе – главная заслуга диссертанта. На этой инициационной символике и построена в значительной степени его персонажная классификация. Последовательное следование ритуальной в своей основе символике инициации помогает понять, почему Пелевин был одним из главных претендентов на роль «главного писателя» в период 1990-х-2000-х гг., времени кризиса и перехода, когда российское общество утратило ценностные ориентиры и мучительно пыталось их обрести. Аксиологические аспекты художественного мира писателя наряду с собственно его характерологией стали объектом внимания Д.В. Нечепуренко.

Впервые наиболее полно и отчетливо выявлены и рецептивные аспекты отношений героев и читателей Пелевина, хотя они, возможно и не входили в задачи исследования. Демонстрация «взрыва» представлений героя и горизонта ожидания еще не знакомого с прозой Пелевина читателя, который достигается с помощью

повторяющегося набора «приемов» тоже можно отнести к безусловным удачам этой работы. Плодотворное для поэтики и притягательное для читателя противоречие между постмодернистской и даже беллетристической формой прозы Пелевина и критически-модернистским содержанием с пафосом реалистического «срывания всех и всяческих масок» очень точно раскрыто в исследовании. Именно это противоречие, как показывает Д.В. Нечепуренко, обусловливает разнобой и противоречивость литературно-критических и читательских оценок Пелевина. Теоретическая значимость диссертации состоит в демонстрации обусловленности особенностей художественной характерологии мировоззрением писателя, в оригинальном решении проблемы соотношения типа и характера: сам характер ищущего истину героя и знающего ее Учителя являются «типичными», устойчивыми, выступая в качестве постоянных актантов повторяющейся сюжетной модели Пелевина.

Библиографический список диссертации включает в себя 259 источников, в том числе 13 – англоязычных. Большой объем исследованного историко-литературного материала (автором проанализированы практически все романы, повести, рассказы, интервью, эссе Пелевина кроме, разумеется, «Любви к трем цукербринам», который вышел несколько дней назад), опора на современные теоретические основания характерологии, глубокий анализ философско-религиозного контекста системы писателя, применение актуальных и апробированных методов исследования обеспечивают **высокую степень обоснованности и достоверности результатов** работы.

Из досадных оплошностей отметим недостаточную оформленность ссылок на журнальные статьи 1990-х годов, которые выходили еще не в электронном виде - в них отсутствует номер газеты и журнала (См. например, в списке литературы «Бавильский, Д. Школа нового романа / Д.Бавильский // Независимая газ. – 1996; Басинский, П. Из жизни отечественных кактусов / П.Басинский // Лит. газ. – 1996» и др.).

Позволим себе также обозначить некоторые моменты на уровне как концепции, так и исполнения работы, которые показались нам сомнительными или дискуссионными. Начнем с принципиального для концепции работы вопроса. Мы просим Дмитрия Валерьевича прокомментировать один фрагмент диссертации, который кажется нам значимым для построения ее замысла и терминологического аппарата: «По большему счёту, его герои – это функциональные марионетки в умелых и достаточно уверенных руках писателя, часто это даже не люди: полулюди-полунасекомые, оборотни, компьютерные персонажи, неодушевлённые предметы. Они создавались для одной цели. «У меня в книгах нет героев. Там одни действующие лица» (С. 89). Пелевин – автор

интеллектуального типа, его творческую интенцию и авторефлексию по поводу собственных приемов нужно принимать всерьез. Хотелось бы уяснить, чем же статус «действующего лица», по мнению диссертанта, может отличаться от статуса «героя»? Почему сам Пелевин столь категоричен в отношении категории «героя»?

Кроме того, отметим, на наш взгляд, в диссертации имеет место чрезмерная мифологизация феномена Пелевина и «глобализация», переоценка нравственно-эстетического месиджа его творчества. Приведем несколько характерных фрагментов: «Пелевин ненавязчиво заставляет читателя задуматься о своём истинном месте в мире, предлагая ему самому решить художественную задачу текста, однако подталкивает найти верную колею и избежать ошибок в выборе правильного пути, одновременно развивая его интеллект» (С.58); Чем же является творчество Пелевина? Это просвещение, реализующее себя как психофизический тренинг личности, основанный на синтезе литературы, философии, психиатрии, культурологии, социологии, политологии» (С.64) «Здесь имеет место быть самое сакральное, но не мистическое и нерелигиозное глубинное и истинное просвещение, основывающееся, как бы это ни показалось, с первого взгляда, странным, на разуме, здоровой морали, имеющее всечеловеческое, вневременное, абсолютное, всеохватывающее значение. Это просвещение «глобального» масштаба, очистка человеческого сознания и его возврат к естественному, изначальному состоянию». (Там же). Понятно, что цель Дмитрия Валерьевича, как и других диссертантов, – наилучшим образом продемонстрировать уникальность писателя и его поэтики, однако учительная установка такого рода, смеем заметить, довольно-таки распространена в русской классической и даже советской литературах.

На уровне построения дискурса диссертацию отличает оригинальная манера изложения, отдельные приемы которой напоминают о вузовской лекции: постоянные смысловые повторы, риторические вопросы. Все-таки текст работы только бы выиграл от более линейной и логизированной подачи материала. В нем иногда встречаются весьма противоречивые с точки зрения семантики и синтактики фрагменты. Вот как Дмитрий Валерьевич определяет, например, один из типов героев писателя, «профана»: «У В. О. Пелевина это, как правило, типичный, средний, заурядный человек, обыватель, неустанно ищущий ответы на вечные вопросы об устройстве мира и человека» (С.5). Хотелось бы оспорить это высказывание: на наш взгляд, в семном своем составе концепт «обывателя», как правило, не связан с поиском «ответов на вечные вопросы бытия», обыватель живет сегодняшним днем. Вряд ли такой ищущий истину герой Пелевина должен называться «обывателем». В связи с этим требует прояснения и проблема

устойчивого «сверхчеловеческого» и «недочеловеческого» статусов героев Пелевина (воплощенный бог, вампир, насекомое и т.п.).

Диссертация оригинальна с точки зрения совершенно особого подхода к характерологии. Поскольку очевидно, что Дмитрий Валерьевич хорошо знаком с актуальной теорией персонажа, то, по-видимому, это следствие сознательной «установки» автора. В диссертации не задействованы сразу несколько аксиом, из которых обычно исходит исследовательская литературная характерология. Поэтому мы хотели бы прояснить этот уход от банальности в серии вопросов, которые адресуем автору.

Во-первых, литературная характерология всегда связана с семантикой имен героев. В них, как известно, закрепляется характер и «путь» именуемого, оно проясняет его сюжетную роль, оно может быть аллюзией на его литературную вторичность. Почему диссертант отказался от подобного анализа?

Во-вторых, литературная характерология всегда строилась на фундаменте портретирования героя и персонажей, пусть даже и неполного, опосредованного. Почему диссертант избегает анализа подобного, пусть и банального, средства характеристики? В какой степени у Пелевина репрезентативна система жестов героя, которую многие литературоведа склонны считать частью «динамически» поданного портрета или поведения персонажа?

В-третьих, в характерологии всегда принято было использовать речь героя как средство его самораскрытия, самохарактеристики. В прозе Пелевина она не обладает какой-либо характеризующей значимостью?

В-четвертых, сводима ли социальная или профессиональная определенность персонажей Пелевина к уровню элементарных «феноменов» современного общества? Неужели классификация их социальной типажности совсем непродуктивна?

Заключение по работе. Диссертация Д.В. Нечепуренко обобщает и завершает значительное число предшествующих литературно-критических статей и исследований по характерологии Пелевина и выявляет наиболее существенные черты типологии персонажей его прозы. В ней представлен системный, оригинальный и обоснованный анализ одного из значимых аспектов поэтики писателя.

Работа достаточно четко структурирована. Композиция работы соответствует последовательности выявления темы и раскрытия оригинальной исследовательской концепции. Текст диссертации хорошо вычитан.

Перед нами качественная, самостоятельная и оригинальная работа, в которой решена важная научная проблема. Тщательность оформления, четкость и последовательность изложения свидетельствуют о высокой степени профессиональной зрелости диссертантки.

Автореферат и опубликованные работы полностью отражают основное содержание диссертации. Материал исследования и его выводы исчерпывающе отражены в двенадцати статьях, в том числе в трех опубликованных автором диссертации в рецензируемых изданиях.

Работа Нечепуренко Дмитрия Валерьевича «Характерология В.О. Пелевина», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, отвечает всем требованиям п. 9 и 10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. – русская литература (филологические науки).

Мароши Валерий Владимирович, профессор кафедры русской литературы и теории литературы ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», 630126, ул. Вилюйская 28, раб. телефон 8-383-244-06-30, maroshi@mail.ru, дом. адрес: 630501, НСО, р.п.Краснообск, д.1, кв.39.

15.09.2014 Мароши В.В.

Подпись Мароши В.В.
Удостоверяю. Зав.канцелярией: